

A low-angle photograph of a building's facade, possibly a stone or brick structure, with a sign on it. The sign is white with black text. The background is a bright, overcast sky with silhouettes of bare tree branches. The overall mood is somewhat somber or contemplative.

Анастасия Афанасьева

РУССКИЙ

ГУЛЛИВЕР

Анастасия Афанасьева

Полый шар

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=27050925

Полый шар:

ISBN 978-5-91627-092-1

Аннотация

Перед нами воздушная и светлая книга. Все вещи, вошедшие в ее пространство, пронизываются светом, сами светятся изнутри, выступают в белизне.

Сердцевина просветления – образ шара. Он светящийся, горящий, полый, подвешенный в воздухе, с ним един автор и все, кого он любит. Он – прозрачный, звенящий, мерцающий, он вертится. В самом герое – шар внутреннего света. Он может обернуться солнцем, сияющим детским лицом, кристаллом в груди.

Не так часто бывает, когда затрагивающая важнейшие вопросы человеческого бытия поэзия одновременно оказывается столь же легкой и ненавязчивой, как современная джазовая импровизация. Должно быть, и стихи, как люди и камни, становятся легче «за счет отсеечения лишнего – до абсолютной правды».

«Полый шар» – четвертая книга стихотворений Анастасии Афанасьевой.

Содержание

молчать, петь, летать	5
Комедия луча	14
Молчание	14
Польный шар	22
Полдень	24
Комедия луча	26
Дорога терракотовой пластины	33
Я трогаю кожу мира	42
Провал	44
Провал	44
Рука	46
Плод	48
Комната	50
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Анастасия Афанасьева

Полый шар

Анастасия Афанасьева родилась в 1982 г. Окончила Харьковский медицинский университет, врач-психиатр. Работает по специальности в харьковской психиатрической больнице. Стихи, проза, статьи о современной поэзии публиковались в журналах и антологиях: «Воздух», «Новый мир», «Вавилон», «Урал», «ШО», «Textonly», «©оюз писателей», «РЕЦ» и др.

Автор стихотворных и прозаических сборников «Бедные белые люди» (М.: АРГО-РИСК, 2005), «Голоса говорят» (М.: Европа, 2007), «Белые стены» (М.: НЛО, 2010), «Солдат белый, солдат чёрный» (Харьков: Фолио, 2010).

Выступает также как переводчик поэзии с украинского и английского языков. Изданы книги Олега Коцарева (перевод с украинского совместно с Дмитрием Кузьминым) «Стечение обстоятельств под Яготинным» (М.: АРГО-РИСК, Книжное обозрение, 2009), Ильи Каминского (перевод с английского) «Музыка народов ветра» (Нью-Йорк: Айлурос, 2012).

Лауреат премии журнала «РЕЦ» (2005), Русской премии (2006), премии «ЛитератураРентген» (2007), шорт-лист премии «Дебют» (2003) и др.

Стихи переведены на английский, итальянский, голландский, украинский и белорусский языки.

МОЛЧАТЬ, ПЕТЬ, ЛЕТАТЬ

Перед нами воздушная и светлая книга. Все вещи, вошедшие в ее пространство, пронизываются светом, сами светятся изнутри, выступают в белизне.

Сердцевина просветления – образ шара. Он светящийся, горящий, полый, подвешенный в воздухе, с ним един автор и все, кого он любит. Он – прозрачный, звенящий, мерцающий, он вертится. В самом герое – шар внутреннего света. Он может обернуться солнцем, сияющим детским лицом, кристаллом в груди.

Новая книга Афанасьевой – это книга полетов. Летают люди, из глаз вылетают ракеты зрения, взлетают буквы, чувства «летят свободным и световым ядром», сам автор готов в любой момент или провалиться или полететь по воздуху, летит мальчик, летят птицы, летит стрекоза и выдуманные небесные вертолеты, женщина спит как летает, летают облака, самолеты, мелкие звери, крупные звери и летающие дураки. Автор – лирический герой расставляет руки и летит, входит в чужой голос и взлетает на крышу.

Я не берусь оценивать вошедшие в книгу переводы с украинского, замечу лишь, что на русском языке эти тексты выглядят естественно и выполняют важную задачу по осуществлению взаимодействия украиноязычной и русскоязычной литератур. Среди переведенных Анастасией Афанасьевой

вой авторов есть поэты как сороковых годов рождения, так и совсем молодые (самый младший, Тарас Федирко, родившийся в 1990 году).

Сегодняшние стихи Афанасьевой все более и более отличаются от страстных, экспрессивных, имеющих достаточно четкий лирический сюжет ее ранних текстов. В них уже не встретить эту бурную, юношескую, перехлестывающую через край эмоциональность, но зато в них появилась какая-то новая просветленная зрелость, смыкающаяся с непосредственным и удивленным взглядом ребенка, и равновесие, превращающее стихотворение в живой, дышащий, гармонично устроенный организм. И, кажется, что перед нами настолько уже самодостаточный поэт, что как-то неловко употреблять по отношению к нему такой эпитет как «представитель поколения «Дебют». Стихи Афанасьевой ускользают из сетки готовых определений, меняясь с каждой новой книгой, и в этих изменениях все более утверждаясь в том собственном, нащупанном Афанасьевой языке, который она развивает. Даже сюжетная линия этой поэзии, характерная для предыдущих книг автора, рассказ «внутренних историй», не обязательно происходящих с самой героиней, но часто зафиксированных от лица «внутреннего наблюдателя», в последней книге практически исчезает, истаивает, проявляется только вкраплениями, как будто Афанасьева со своими стихами добралась туда, куда лестница сюжета уже не дотягивается. И, продолжая апофатическую характеристику по-

эзии Афанасьевой: уже не просто «представитель поколения «Дебют», не лироэпические сюжетные тексты.

Может быть, продолжатель традиции европейского модернизма? Но и это не совсем корректно. С одной стороны, да, несомненно, но с другой стороны – в поэзии Афанасьевой, как впрочем, и некоторых других современных авторов, модернистская «метафизическая» лирика радикально трансформируется. Я имею в виду то, что в такой поэзии при всей ее метафизичности почти нет культурных аллюзий, архетипов, мифологем, идеологем, как отмечала уже о стихах Афанасьевой Ольга Балла: «Здесь – одни экзистенциалы: жизнь, любовь, смерть. «...» Мир Афанасьевой – мир почти до Адама, – нет, вернее, уже после того, как Адамова эпоха закончилась, исчерпала свой – мнившийся неисчерпаемым – запас имен». И, если можно говорить о каких-то предпочтениях в поэзии и даже собственных стратегиях письма, то мне сегодня близок именно такой тип поэтического высказывания. Ничего искусственного, никаких рукотворных или мысленных идолов в этом новом мире не осталось, люди остались наедине с миром без всяких посредников, и в нем остается только жить и заниматься самыми простыми вещами, например, любить друг друга, петь, летать. Ничего лишнего, «только голый мир, огненный логос». И еще – воздух, земля, вода, огонь, свет, человек, яблоко, любовь, нежность, страх, отчаяние, молчание, белизна, песня.

Если продолжать о том, откуда растут корни у поэзии

Афанасьевой, надо называть многих: российскую поэзию 90-х гг. – поэзию «Вавилона», и, конечно, особенно любимых Афанасьевой Ольгу Седакову и Пауля Целана. По признанию самой Афанасьевой, большое значение для ее поэзии имеет также взаимодействие с музыкой, джазовой и академической. Стихотворения Афанасьевой действительно напоминают современный джаз, и ей в высшей мере свойствен интерес современной музыки к тишине, к совмещению звучания и пауз, когда звуки словно бы прорастают сквозь тишину (ср. то, как Манфред Айхер, руководитель известного европейского музыкального лейбла ECM (editions of contemporary music), определил эстетическую программу своей деятельности: «Лучшие звуки после тишины»). Песнь и молчание постоянно появляются в стихах Афанасьевой. Этот «разговор молчанием» подчеркивает и внешнее тяготение к минимализму в стихах Анастасии, отсечение всего лишнего, минимум метафор и эпитетов, разбивка стиха паузами. Подобные художественные приемы напоминают нам одного из значимых для Афанасьевой авторов: Геннадия Айги, для которого мотивы пения и молчания и мотив белизны были одними из ключевых. Одно из моих любимых у Айги:

*боярышник – при пении молчащий
как бог молчащий – за звучащим Словом*

(Г. Айги)

В «Поэзии-как молчании» Айги писал: «Молчание – как

«Место Бога» (место наивысшей Творческой Силы)». Соответствующий же цвет – белизна.

Афанасьева пишет:

Красное дерево в поле
Желтые городские клены
Круглые коричневые каштаны
Молчанием говорят со мной
И я отвечаю – вместе с хором,
Который все поет:

«...»

Поем в молчании

Громко молчим

Поэзия для Афанасьевой – это давание слова самим вещам, и здесь мы, конечно, вспоминаем Хайдеггера, писавшего о «превращении речи в почти потаенно журчащий песенный отголосок несказанного сказа».

В близком к этому смысле Афанасьева пишет:

неявная речь
из глубины яви,

об одном,
единственно важном,

Или

По ту сторону яви
Тоже существует песня.

Иногда эти стихи кажутся парадоксально-неожиданными, иногда – вдруг – оборачиваются чем-то с детства знакомым. Вот колдовское, народное, сказочное заборматывание:

Что движет все,
что движется,

Что слышит все,
что слышится,

Что видит все,
что видится.

Свободный стих у Афанасьевой соседствует с ритмизованным и рифмованным, они легко переходят друг в друга. Так, например, иногда изнутри свободного стиха вдруг пробивается вполне четкий ритм, и философское стихотворение легко переходит в детскую песенку или считалку.

Новые стихи Афанасьевой – это своего рода медитации. Иногда – в прямом смысле слова: в зеленом видится ящерка, созерцание объекта приводит к осознанию тождества с

объектом:

Я смотрю на клен и становлюсь кленом;
Я смотрю на себя и становлюсь собой

В привычном и повседневном видятся всевозможные чудеса. Анастасия Афанасьева не ищет каких-то специальных поэтических тем, материал для стихотворений ей в изобилии поставляет мир, в котором она живет, и собственные органы чувств. Любая мелочь может стать поводом для поэзии, потому что все мелочи, если правильно на них посмотреть, удивительны. Кто-то идет, указывает на что-то рукой, и из этого рождается стихотворение. Или – открытие двери – но не просто открытие, а «наповал». Афанасьева смотрит на мир с удивлением: в этом удивлении перед нами предстают странные двуногие существа – люди, равно как и насекомые, и явления природы. Об этом чуде в повседневном, об удивлении подлинно простым вещам пишет Афанасьева:

Как тут не распластаться, как не оглохнуть,
как не упасть без воли к сопротивлению
перед тем, что так повседневно?

Бывает ли что-нибудь удивительнее
просыпающегося человека, страннее
падающего снега,

...

Есть ли что-нибудь, достойное вздоха или удивления,
кроме подлинно простой вещи?

Вещи увидены первоначально, и потому становится странным язык, в котором они как-то называются, и кто, спрашивается, их так называет?

Как пролетают толстые белые хлопья

Кто называет
Их *облаками*?

Весь этот странный мир окрашен чувствами доверия и открытости, незащитности и готовности предстоять. В этом мире бытие – значит свобода, свобода – значит поэзия; это воздух, мир наполняющий, проникающий между словами. Зрение в этом мире – это способ обнимать вещи, слух – способ обнимать звуки. В этих стихах часто ставятся разнообразные вопросы:

Отчего мой вопрос – то же, что и ответ?
Господи, сколько мне лет?
Почему я – и зрелость, и детство?

Почему моя радость больше меня?

Почему она произошла от огня?

Вопросы эти детские, наивные, и – философские. В них есть что-то от древней досократической мудрости – и первозданность впервые открываемого мира. Наивность и мудрость здесь сходятся, как детство и зрелость. Самые абстрактные вещи в стихах Афанасьевой в том самом детском взгляде становятся цветными, плотными, осязаемыми. Внутри вещей живет правда, жаждущая быть названной. Поэт предстоит этой правде, которую являет поле, подсолнух, шмель. Очень много солнца, много воздуха, много тишины, много странности.

Не так часто бывает, когда затрагивающая важнейшие вопросы человеческого бытия поэзия одновременно оказывается столь же легкой и ненавязчивой, как современная джазовая импровизация. Должно быть, и стихи, как люди и камни, становятся легче «за счет отсечения лишнего – до абсолютной правды».

Алла Горбунова

Комедия луча

Молчание

1

В самом что ни на есть зеленом
Видится мне ящерка
Бег ее – немыслимый, кочевой

Я смотрю на клен и становлюсь кленом;
Я смотрю на себя и становлюсь собой

Какие странные проходят существа мимо!
С круглыми головами, на двух ногах
Эй, говорю, люди, шестикрылые серафимы
Отпускаются и летят, как мысль: на словах

Ходят двуногие и поют о том, что ничего своего,
Только голый мир, огненный логос
И песня взмывает тем выше, чем хоровой
Смирнее звучит голос

2

Что это у него?
То ли ключ, то ли ключ
Он оставляет следы позади себя
Прозрачные
Невесомые
Тут же исчезающие

Как исчезают эти следы?
Так, будто в воздухе мерцают частицы,
Которые видно,
Если смотреть вне фокуса

Так, будто частицы эти
Ожили и увеличились
Вспорхнули
И вспыхнули

Исчезающе

3

Идут они вдвоем

Издадека – будто шляпа одна на двоих
И походка едина
Легка

Вот как идут они
Неотличимые
Неразделимые
Глубоко сердечные
Нежные

И куда так указывает его рука,
На что так указывает его рука,
Если впереди – ничего, кроме песка
И непреодолимая река?

И как она согласно кивает ему,
Какому жесту она так согласно кивает?

Как они понимают,
Откуда знают?

Невозможно единые
В своем смирении

Всевозможно живые
В своем стремлении

Как он указывает,
Как она видит?

Тихие-тихие
Как дети или старики

Смотри, смотри! (Взмывает рука)
Порхает воздух над берегом реки

4

Открой! Нужно дверь распахнуть,
Будто окно: сильно и – сильно

Чтобы воздух ворвался,
Но не один:
Со всеми запахами улицы,
Квартир, свалок, текущей осени,
Предстоящей водной зимы,
Будущей весны,
Зенитного лета

Распахни мне дверь так,
Как стреляют из дуэльного пистолета:

Благородно,
С чувством,
С расстановкой,

5

Я хочу того, чего не могу хотеть
Я вижу то, чего не могу видеть
Я слышу то, чего не могу слышать
Я трогаю то, чего не могу трогать

Могу – выдумка, не более
Странная граница, без которой никуда
Не возможно

Так и хочется расчертить:
Палочка, черточка, нолик
За бордюром мама не разрешает гулять,
Во дворе только

А свобода есть
Она там,
Где молчащая основа слова
Вздувается пузырями, холмами, домами, людьми

Она там,
Где черта начинается и сжимается в точку
Она там,

Где доверие раскрывается внутригрудным цветком

Свобода есть человек

А человек – есть

6

Стараясь ящерицу ухватить за хвост,
Я упал с высоты своего роста
В осеннюю траву. Рот мой землей набит,
Разбита губа

Отчего я так счастлив, Господи,
Будто Майлза Дэвиса звучит труба?

Отчего, валяясь на тихой земле,
Никого и ничего не поняв,
Я ловлю ртом порхающие искорки,
Весь день своим существом обняв?

Отчего у меня из глаз вылетают ракеты зрения,
А в уши встроены пленочки слуха?

Отчего я лежу на земле, будто в воде и воздухе вместе,
Отчего мой вопрос – то же, что и ответ?
Господи, сколько мне лет?

Почему я – и зрелость, и детство?

Почему моя радость больше меня?
Почему она произошла от огня?

Господи, посмотри на меня:
Видишь?

Меня нет,
Ибо есть только то, что больше меня

7

Ящерка бежит по траве,
По берегу, по горе, по реке,
По воздуху, по облаку и по слову,
По маленькой запятой.

Ящерка становится солнцем —
И светит собой

Ящерка, солнышко,
Я – не такой,
Но все же – такой.

Жаркое, желтое,

Упади в мою голову,
Ибо я – твой.

Я слышу:
Майлз Дэвис размахивает небесной трубой

Разламывается воздух,
Распахивается – и

Свобода!

Красное дерево в поле
Желтые городские клены
Круглые коричневые каштаны
Молчанием говорят со мной

И я отвечаю – вместе с хором,
Который все поет:

«...»

Поем в молчании
Громко молчим

Молчим

Полый шар

Вот полый шар
Он в воздухе подвешен
Его должно качать,
Но не качает
Он должен бы упасть,
Но он подвешен

О, чудо, так возможное сегодня

Вот я сижу на шаре
Будто девочка
Вот прыгаю на шаре
Будто мальчик
И должно оступиться,
Но я прочно

О, чудо, так возможное сегодня

Мы с шаром —
Рихтер, Седакова, Хайдеггер,
мы – Элиот, Целан и Львовский,
Фуко мы, Монк, Колтрейн
И Битлз мы – то Леннон, то Маккартни

Прозрачный шар в пространстве

Слышишь улитка
Звонящий шар в пространстве
Слышишь бабочка

Мерцающий прозрачный
Слышишь мама
Звонящий и смиренный
Видишь Боже

В руке моей флажок он развевается
И нежность – плотная сплошная
И сила – густая смоляная
И тонкая дрожащая – любовь

Дотянись до меня пальцами Рихтера
Я, будто трос, аорту словом протяну

О, чудо, так возможное сегодня,
О, бабочка, улитка, мама, Боже

Полдень

Шелестом полнится воздух
И видно над нами
Как пролетают толстые белые хлопья

Кто называет
Их облаками?
Еще не поздно увидеть

Я открываю книгу на случайной странице
Буквы взлетают и машут чертами своими
И пестрым становится воздух

Кто называет
Их просто печатными знаками?
Еще не поздно услышать

Я открываю окно и самое красное дерево
Кивает мне головой и дует в лицо мне
Губы в ответ дуновению раскрываются

Кто называет
Просто каштаном его?
Еще не поздно сказать

А когда придет время

Собирать вещи по крупицам
Разбросанным по всему пространству —

Ни одна из них себя не обнаружит,
Ни одна на зов не ответит,
Ни одна не пошлет попутного ветра

Ибо внутри каждой живет светящийся шар,
Громадная правда,
Жаждающая быть названной,

Не прощающая слепоты
Не прощающая глухоты
Не прощающая немоты

Отвечающая им
Собственным исчезновением

Не поздно еще говорю же
Еще не поздно
В полдень правда прямо стоит как стрелка

Только слышать, и видеть, и говорить

Комедия луча

это солнце напролом солнце напролом
Василий Бородин

1

«Отвори», – стучится Матильда,
полосатая кошка.

За окном льдинки стучат
Друг о друга бьются
Тонкими нотами ксилофона
Высокими струнами пиццикато

Но время идет
Пейзаж разворачивается крылато

Разверчивается из каждой щели
Раскрывается
Распускается

Кто же выдержит это сплошное движение вещей?

«Не вещей, жизни»

Поправляет

Кто поправляет,
Если не человек

На вершине высочайшей многоэтажки
Теменем подпирает время как таковое
Печальный наблюдатель

2

Разлита вода,
Разлита земля,
Протянут воздух

Цепью стоят повсюду связанные
Причины

Причина Матильда,
Причина клевер,
Подорожник причина,
Каштан, воробей, прохожий, машина, окно

Там, наверху, человек скован печалью
Густое в сосудах его
Легкие свинцовой ватой набиты

Он один знает о времени

Оттого сидит и не шелохнется
Картонная статуя
Сумасшедший

Жует сигарету вместо того чтобы

3

Чтобы прыгнуть и лететь
В громадном раскрытом бутоне

Напролом,
Напролом,
Напролом!

Или бережно
Нанизываясь на ветки
На птичьи перья
Троллейбусные линии
Кошачьи когти

Оседая на них именами
Словами

Затронутой тревогой
Любовью и страхом
Ужасом если надо

Как далеко простирается печаль взгляда!
И как близко ложится печать чувства

4

Открыл кошке

Разбудил утробное мурлыканье
Ответил нежностью

Вышел

Сентябрь насыпал на мою голову в наушниках
Желтые солнца

По виолончели Кнушевицкого
Я поднимаюсь в дом

Отвори, – стучу
И дверь приоткрывается

Свет!

Для рождения полосы света
Достаточно узкой щели

Узкий,
Щелевидный,
Солнечный,
Желтый,
Любящий,
Боящийся,
Родной!

Выйди же,
Выйди!

Пусть печаль обрушится на тебя
Огромной лавиной
Пусть воздух, связующий все,
Будет тебе домом

Пусть всякая любовь
Станет тебе зеркалом

Пусть всякий смысл
Отзовется словом

Пусть ты станешь
Свет щелевой

Зажмурившись,
В лучик собравшись:
Вперед!

5

Печален лишь человек
Естественна радость

Залезь в свой колпак
И сиди там
Накрывшись листом

Слушай квартирного паучка
Скребущую кошку
Свистящее время

До тех пор пока не сработает пружина
Скрытая под сердцем
И не вытолкнет тебя вверх
К самому солнцу

В огонь

Смотри
Ибо всякое существо горит —
Так и ты внутри
Горению отвори

Ибо мир – совершенно крылат,
Ибо он – кислород,
Ибо я – настолько же я,
насколько я – весь мой род,

Ибо в самом твоём ядре
Живёт всякая точка, пляшущая в костре.

Ибо – я угол и конус,
Ибо я – голос,
Ибо все разворачивается из себя
И возвращается в себя,

И поэтому – ввинчивается вовнутрь дом,
Обрушивается дом.

А любовь и страх, тревога и нежность
Летят свободным и световым ядром.

Дорога терракотовой пластины

1

От терракотовой пластины
До шаровидного конца
Пролегает одна дорога

Он проходит по ней
Головоногий
Вельветовый
Строгий

Идет, как нужно:
Не задавая лишних вопросов,
Ладони раскрыв, будто лотосы
Грудь оголив солнцу

И когда проносится машина мимо,
Едва его не задев,
Он вздрагивает, но знает:
Не сойдет, не допев

И если подошва его наступает
На липкую чужую жвачку,

Он смотрит вперед: взгляд
Всегда выше земли скользит

Любая мелочь, вылепленная в пути —
Уточняющий стимул идти

Она скрашивает дорогу
Добавляет неповторимые детали

Позволяет играть с ними,
Как с детскими карандашами

Рисовать на асфальте глупые шалости
Быть не наброском, а целой картиной

От терракотовой пластины —
До шаровидного места,

Где нечто

Склеивает мертвую божью коровку с живой,
Человеческую руку – с травой,
Одну звезду – с другой,
Самого себя с самим собой.

Ладони раскрытые лотосы
Ладони озера бездонные
Водопроводная капля
Сияет цветами в ладонях

Дай же мне в ней отразиться
Всеми своими вопросами
Дай мне спросить о главном
Не зная второстепенного

Дай же тебе отдать
Белые руки лотосов
Озер прозрачные радужки
Ответы больших отражений

Возьми же из рук моих
То единственно данное
Те отголоски музыки
Звучащие в цвете и капле

Ибо нет ничего главнее
Дрожащего водного эха
Цветочного белого пламени
Отданных другому

3

Что это, белое:
Бумага ли, простыня ли,
Мел ли раскрошенный тонко?

Это кожа грудная сияет ибо иначе не может

Ибо не может иначе,
Иначе —
Темное дерево,
Древесная тьма.

Иначе – существо,
Сжатое до предела,
Ничто.

И кожа грудная сияет ибо иначе не может

Иначе
Неприменно случится
Пока же

Кожа грудная сияет ибо иначе не может

Мимо проносятся неожиданные машины
А он идет тихо

Тишайше

Произнести невозможно
Когда воздух
Превращается в мед тишайший

Когда мед
Становится воздух тишайший

Что ему делать,
Кроме идти тишайше

Жонглировать сладкими яблоками
Рисовать яблоки на асфальте

А можно ли изобразить сладость
Мелкими запечатлеть
Как воздух сладок
Как он полон

Невидимым

Как это невидимое
Проникает в легкие

Как легкие
Становятся громадными шарами

Как человек отрывается от земли
И взлетает как шар воздушный

Как он смотрит поперх осенних деревьев
И видит крыши

Крыши полные воздухом
Город полный тем же воздухом

Повсеместный воздух
Полный чем-то невидимым

Как летящему человеку докричаться
Если тишайше
Воздушная речь тишайшая

Легчайшая легкость
Повсеместное трепетание

Что же это?
Как?
Как это может быть?

Все такое живое
Что даже я,
Неуклюжий,
Двадцатисемилетний,
Бездетный,
Сделавший так мало полезного,
Но простивший и прощенный —

Даже я
Имею право на существование?

5

Я согласен с тем, что сейчас октябрь,
С тем, что у моего комнатного цветка
Прожилки на листьях желтые
С тем, что хвост у кошки торчит.

С тем, что проходит год,
Что деревья растут из земли,
Что земля – круглая,
А круг рисовать легко.

С тем, что приходят люди, уходят люди,
С тем, что стареет мама.

С тем, чего у меня нет.

Многое, с чем я согласен, причиняет мне боль
Многое – радует

Как бы то ни было, вот:

Куда ни посмотришь – видишь огромные стены шара,
Натянутые от травы до неба,
От пола до потолка,
От пяток до темени.

Мерцающая его кожа,
Кожа его стен —
Далекая и родная,
Составляющая меня

Так же, как я
Составляю ее.

Я согласен с тем, что моя мелодия
Не может быть другой.
С тем, что другие мелодии
Не могут быть другими.

Обезоруженность
Незащищенность

Открытая грудь

Раскрытые руки

Совершенная тишина

Я трогаю кожу мира

Как странно: я трогаю кожу мира.
Едва-едва, легким дыханием, кончиком пальца.
Кожура: теплая, проницаемая.
Между и между. Я трогаю кожу мира.

Сквозь нее проходят странные путники,
Тихие птицы. Там, под кожей, – огонь.
Вот кто танцует в огне – кто проникнуть туда посмел!
Сколько цветов кругом, невероятного пульса.

Как странно все вращается в танце.
Как странно быть маленьким человеком.
Как странно трогать кожуру кончиком пальца.
Еще страннее трогать ее словами.

Переходить оттуда туда.
Танцевать словами.

Ты, часть оторванная от целого,
Ты, тоскующее, зовущее,
Ты, пустоту знающее – ту, огромную,
Ты – тоска по той пустоте,
Ты у нее под кожей.

С неба падают цветы, сияющие гвоздики,

Это, должно быть, свадьба в соседнем доме
Или же кто-то умер.
Кто-то чувствует что-то большое:
Радость ли, горе.

Кто-то помнит что-то большое. Он устремлен.
Кто-то бежит вверх по лестнице.
Распахивает окно.
Ах!
За ним ничего нет.

Как странно: я трогаю кожу мира.
Сила, приди к нам, песня большая, приди к нам.
Горы, придите, придите, моря, снизойдите, боги.
Это стучатся люди.

А что еще может быть поводом, если не люди.

Провал

Провал

Сколько лежит их в этом провале!
Не сосчитать.
Поверх друг друга, перекрывая
один другого,
сколько лежит их здесь!

Упав, они легкими стали.

Сколько легчайших лежит в этом провале!
Не рассмотреть.
Как дуновение, летающие над ними,
они легки.

Смотри, мы идем едва выше,
Не касаясь их стопами.

Смотри, мы поем едва дальше,
Чем они способны услышать.

Мы устаем и находим
спасенье внутри деревьев:

они – наши родные твердые.

Мы тоже вросли
в этот провал
всеми корнями
по самое горло.

Мы тоже лежим,
укрытые отчаянием
будто друг другом
по самое темя.

Мы, будто те, лежащие,
тянемся навстречу дуновению,

и выпадаем из своего дупла.

Рука

В голубом цветении руку свою нахожу.
Такой пропажей была!
Безрукий ходил и смущенный отсутствием я
Ущербностью пятипалой
Одетый как влажным стыдом

Таким вот я был, и таким больше быть не хочу.

В цветении голубом обнаружил он руку свою.
Такой был недостающий!
Без тела лежала я в свете цветочном
В отдельность тюремную
Заклученная будто умерло время

Такой я была, и такой больше быть не хочу.

Отставленный циферблат,
Пропитанная земля,
Черное, будто небо, будто земля,
Развернись:

Зрачки отражают вращение голубое.

Значит, течение прочно,
Как десять пальцев двурукого,

Зрачковые отражения,
Цветение голубое.

Пусть же, нашедшие руки свои,
Идущие по течению,
Целые невозможно,
Бесстыжие и свободные,

Пусть же они,
Пусть же они —
будут.

Плод

За столами вечерними нищие глина сухая их кожа
Места всем не хватает
Нищие трутся боками стучат как пустые кувшины
Плечи их острые пальцы указки стальные

Мне страшно, мой повсеместный, дай встать и уйти.

Бок, другого касаясь, трещит
Трещины в самую полость уходят
Трещины – нити времен
Нити прошедшего нити

Конца им не видно в будущем самом глубоком

Мне кажется будто внутри клубок заплетается
Страшно мне дай же встать и уйти

У меня есть такое внутри
Когда его называют
Оно выходит как плод и дарит и дарит

И дарит и дарит и дарит
Пока называют

А после уходит в возможность в самом молчании дышит

Чтоб выйти и отданным быть

Дай мне отдать этот тихий главный молчащий
Его дарил я и раньше

Ибо вот – недарители: нищая полая глина
Острые плечи пальцы указки стальные
Паутиной набитые лопающиеся от удара
Указательной сталью
Бесследно.

Мой повсеместный, дай же встать и уйти.

Вот – плод мой, в молчании дышит.
Назови же его.

Комната

Вот ключ. Его поворот,
как тело,
знаком.

Звон, щелк.
Скрип.

Вот пол. Его деревянное дно,
как кожа,
родное.

Шелест, стук.
Скрип.

Вот комната. Ее пустоту,
как внутренность,
знаем мы.

Как дышать без воздуха,
как смотреть в темноте и видеть,
как слышать неведомых тварей

знаем мы.

Как искать несуществующее окно,
лбом прислоняться к стене,
углублять морщины –

знаем мы.

Я открыл дверь, штукатурка осыпалась на мое лицо.
Я увидел, как пустота заполняется новым воздухом.

Я держал в руках трепещущих пчел,
и ни одна из них не жалила мои ладони.

Они гудели, были мохнато-мягкими,
я принес их издалека.
я впустил их сюда.

Я видел, как они облепили внутренности стен
жужжащим ковром,
как они звали меня за собой:

войди, войди,

мы сделаем тебе тепло,
мы сделаем тебе приятно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.